

Су И было нечего собирать. Она просто хотела дать той ораве сорванцов из поколения Хай немного передохнуть пару лишних дней.

Хоть это и было очевидно, Чжан Жуйтань всё же молча согласился, и они договорились выступить через три дня.

Проспав сутки напролёт, Чжан Хайкэ проснулся от дразнящего аромата еды.

Приподнявшись на кровати, он огляделся и увидел, что в его комнате не только его вечно проблемная сестрица, но даже Чжан Хайсин вовсю уплетает угощение.

— Поделитесь кусочком, — пробормотал он, умирая от голода.

Чжан Хайсин догрызла последнюю куриную ножку и, достав из тарелки куриную лапку, вложила её в руку Чжан Хайкэ.

Всем известно, что лапки — самая костлявая и немясистая часть курицы, особенно у чёрных кур.

Чжан Хайкэ перевёл вопросительный взгляд на Чжан Хайсина, который задумчиво жевал куриную ножку. Тот встретился с ним взглядом лишь на секунду, а затем поспешно откусил ещё кусок.

Никто не в силах устоять перед ароматом острых специй — даже если не любишь острое, обсосать косточку всё равно хочется.

Чжан Хайкэ, придерживая урчащий живот, подхватил пустую тарелку и направился на кухню.

Как и ожидалось, все, кто проснулся, тайком перекусывали именно там.

Увидев Чжан Хайкэ с пустой тарелкой, Су И очень удивилась:

— Ты так быстро управился?

Что он мог ответить? Что ему не досталось ни кусочка?

Су И наготовила немало закусок, чтобы скрасить дорогу, а поскольку с возвращением они не спешили, путь, который обычно занимал около десяти дней, они растянули до последнего, вернувшись в клан Чжан лишь в назначенный срок.

Атмосфера в старом особняке была всё такой же гнетущей. Су И, едва переставляя дрожащие

ноги, дошла до своего двора, где Чжан Жуйи передал её на попечение Байма, а сам отправился докладывать старейшинам.

Байма, чей ребёнок уже достиг восемнадцатилетия, была уже немолода: в волосах пробивалась седина, а привычные дела давались ей всё труднее.

Во дворе появился новый человек — пришлый с татуировкой Цюнци, которого прислал Пятый старейшина помогать по хозяйству.

Су И не придавала этому особого значения, лишь поблагодарила и отправилась вслед за Байма проведать её лекарственные травы.

Чжан Цишань поднял голову, и в его бездонных глазах не отражалось ни капли света. В рукаве он прятал украденные из комнаты Су И готовые лекарственные сборы.

Су И, конечно, учуяла запах лекарств, исходящий от этого маленького Цюнци. Для неё это даже хобби не было, но если эти травы помогут ему спасти того, кого он хочет, то это нельзя считать пустой тратой.

После того как Байма перешагнула порог зрелости, её здоровье резко пошло на убыль.

Тайные снадобья, которыми её пичкали камбало, в сочетании с особыми благовониями полностью изменили её организм и значительно сократили жизнь.

Су И могла нейтрализовать действие ядов, но сами благовония ядом не были, поэтому помочь она не могла.

Вернувшись, Чжан Хайсин поселился во дворе Су И. Он проводил уйму времени с Байма, слушая, как она то на тибетском рассказывает истории о своём муже, то на китайском вспоминает дни, когда жила под опекой Су И.

Большую часть своей жизни она была счастлива.

В детстве её оберегали соплеменники, в юности она встретила любимого человека, а даже попав в беду, наткнулась на мягкосердечную Су И. После того как она примкнула к Су И, она больше не знала невзгод, и даже в клане Чжан, которого так боялась, она открыто прожила более десяти лет.

Су И лежала в бассейне, прикрыв лицо влажным платком, рядом догорал потухший очаг.

Байма не была больна и не была отравлена — она просто с пугающей скоростью проживала свои зрелые и преклонные годы. То, на что у других уходило десятилетия, у неё заняло всего

несколько недель, от силы месяц.

Лекарства были бесполезны. Спасти Байма было невозможно.

Качели во дворе Байма смастерила сама, когда только приехала в клан Чжан. Су И с серебристыми волосами и рыбьим хвостом сидела на них, и её нежное лицо в ореоле серебряной белизны казалось холодным и одиноким.

Чжан Хайсин вышел из дома. Ему хотелось, как в детстве, оказаться в объятиях Су И — может, тогда боль стала бы не такой острой.

Мягкий голос запел печальную, трогательную песню. Человек на качелях сжался в комок, положив голову на хвост Цзяожэня, а длинные серебряные волосы укрыли их обоих.

Чужаков нельзя хоронить в клане Чжан, да и сама Байма не желала быть погребённой здесь после смерти.

Та, что ещё несколько дней назад звала Сяо-Гуаня, теперь уместилась в маленьком сосуде.

Они оба облачились в чёрное, чтобы проводить Байма в последний путь.

Вернуть её на заснеженные Гималаи было невозможно, но они предали прах земле на западном склоне горной вершины, где росло множество целебных трав. Они верили, что Байма это понравится.

На этот раз Чжан Хайсин заключил Су И в объятия. Она не слышала всхлипов, но благодаря связи Цзяожэня с водой она почувствовала, как капля за каплей влага просачивается ей за воротник.

— Су И.

— М-м, я здесь.

— Су И.

— Я здесь.

— Су И.

— Я всегда рядом.

Похоронив Байма, им пришлось задуматься о будущем.

Сразу после возвращения в клан Чжан они узнали, что некий пришлый тайно увёл за собой группу других пришлых, среди которых был и Чжан Жишань, обладатель крови Циляня из основной ветви клана.

Тренировки в клане Чжан были жестокими. Чжан Хайсин и его товарищи по несчастью попали в одну группу, благодаря чему получили особую заботу со стороны Су И.

Однако тем, кто попал к другим наставникам, пришлось куда хуже — выживало меньше половины.

Что же касается того, почему этот пришлый по имени Чжан Цишань подбил людей на побег, Су И чувствовала, что за этим кроется нечто большее.

Но важнее всего было то, что пятеро старейшин теперь всерьёз рассматривали кандидатуру Чжан Хайсина на пост главы клана.

— Они что, с ума сошли?!

Чжан Жуйюй вздрогнул от её резкого вскрика и поспешно замахал руками, призывая говорить тише — он ведь рисковал жизнью, чтобы принести ей эту весть.

— Ох, предок мой! Госпожа, тише! Разве этим стоит хвастаться?

— Если знают, что это не к добру, зачем делать? Они совсем из ума выжили? В клане и так смута, а они хотят найти козла отпущения?

— Именно потому, что в клане смута, нужно поскорее выбрать главу, чтобы успокоить людей. А кто виноват, что у твоего Хайсина и концентрация крови высокая, и талант есть!

— Чуть! Они просто пользуются тем, что наш ребёнок одинок и беззащитен!

Су И была категорически против того, чтобы Чжан Хайсин становился главой. Хотя нынешний клан Чжан ещё не превратился в полный хаос, побочный эффект должности главы — Небесное наставление. Как она могла допустить, чтобы её ребёнок либо терял память, либо вечно находился на пути к этому?

В отличие от решительного протеста Су И, у самого Чжан Хайсина возражений не было. Пятый старейшина убедил его: многие жаждут заполучить Цзяожэня, и если личность Су И раскроется, он один не сможет её защитить, но целый клан Чжан — сможет. Они помогут оберегать её.

Впрочем, о том, что Пятый старейшина приходил к Чжан Хайсину, Су И тоже узнала от Чжан Жуйюя.

Силой преградить путь старейшине она не могла — в драке ей не победить, а остальные боялись открыто нарушать приказы старейшин. Ей нужно было придумать что-то другое.

<http://bllate.org/book/21367/2176385>